

Нас уже давно не удивляют русские фамилии в списке штатных артистов различных европейских театров. Не удивляет, что многие из них — премьеры и примадонны этих театров. Приятно: богата наша родина талантами, на весь мир хватает! С другой стороны, что имеем — не храним, потерявши — не плачем.

Владимир Диц — один из легиона русских артистов, начавших трудный путь к признанию в заграничных театрах. Весной прошлого, 1993 года Владимир Диц получил гран-при на Первом Всероссийском конкурсе басов памяти Ф. И. Шаляпина.

лучил 4-ю премию — более десяти лет ютится с семьей в крохотной комнатке. Мой друг Николай Решетняк, восходящая звезда театра Маша Гаврилова — то же самое. Вот, говорят, Диму Хворостовского не раз приглашали в Большой театр, а он все отказывался. Значит, плохо звали... Человек идет туда, где его больше ценят. Будто у нас не способны разобрататься, есть у человека талант или нет...

— **Владимир, кто вы по национальности?**

— Немец. И по отцовской, и по материнской линии мои предки все были немцами. В Новотроицк Оренбургской области, где я родился, мама приехала из Вологды, отец — из Челябинска. И те, и другие в свое время были высланы из более благоприятных мест поселения: семья мамы, например, из Никополя. Подробностей я не знаю; мои бабушки почему-то не любят предаваться воспоминаниям.

— **В последние годы множество немцев из России потянулось на свою историческую родину. А вы не чувствуете зова крови?**

— Мотив «зова крови» считаю лукавством. Хотя не вижу никакого греха в желании человека устроить жизнь свою и своих детей. Я, наверное, уже окончательно обрусевший. Не знаю, к сожалению, своего языка. Моя родина — место, где родился и вырос, где семья, друзья.

— **Владимир, когда вы запели?**

— В девятом классе. В наш маленький город, где живого оперного певца отродясь не видавали, приехала бригада артистов из Оренбургской областной филармонии. Я впервые в жизни попал на такой концерт. Особенное впечатление произвел обладатель красивого баса по фамилии Арчибасов — фамилия-то какая: Арчибасов — Архибасов... Пел он «Вдоль по Питерской». Я, конечно, слышал оперные голоса по радио, по телевидению: да разве можно самую совершенную запись сравнить с живым звучанием! Я был так потрясен, что захотелось спеть точно так же. Пришел домой

путал дверь с окном и выпал с четвертого этажа. Отделался «легко»: несколькими переломами и ушибом. Видно, не судьба была погибнуть так глупо. Пока лежал по больницам — крепко подумал. И решил второй раз попытать счастья в училище при Московской консерватории. Поступил в класс Виктора Викторовича Горячкина. Позанимался год, и мне предоставили возможность поступать в консерваторию. Так попал к Евгению Евгеньевичу Нестеренко. Дипломной работой стала партия Греммина из «Евгения Онегина».

— **Владимир, как я поняла, вы бы не отказались от популярности и всего прочего, что ей сопутствует?**

— Еще был Кто ж из артистов о ней не мечтает. Если не находишь отклика у публики — зачем работать?

— **Но ведь даже самые известные, гениальные оперные певцы, увы, не могут сравниться по популярности с исполнителями какой-нибудь одной песни-шлягера вроде «Плачет девочка в автомате»... И многие оперные звезды становятся безумно знаменитыми только после того, как выйдут на эстрадные подмостки: Муслим Магомаев, Юрий Гуляев, Леонид Сметанников, да, кстати, сам великий Федор Иванович Шаляпин.**

— Ну лично мне до высот популярности исполнителя «Девочки в автомате» уже никогда не добраться: воспроизводить такую музыку я вообще не способен. Человек, распробовавший изысканное бургундское вино, вряд ли сможет потом употреблять «бормотуху», разве что в припадке глубокого помешательства. Да мне и не нужна всенародная любовь в масштабе Жени Осина и даже Богдана Титомира.

— **А между тем именно такая музыка преобладает на экране наших телевизоров: классическую надо искать с о-очень большой лупой.**

Владимир Диц:

"Пастухам" российского творческого "стада" классика не нужна"

— **Владимир, в каких странах вас уже слушали?**

— В Болгарии, Финляндии, Германии, Франции, Испании, Швейцарии.

— **Вы, конечно, довольны победой на единственном в своем роде конкурсе басов?**

— Не люблю конкурсы. Страшное дело, когда «штучных» артистов (а оперный бас — редкий дар природы) начинают расставлять по ранжиру. Тем более что идеальных певцов не бывает, и при желании профессионал у каждого найдет свои «проколы».

— **Так что же, отменить конкурсы совсем?**

— Я этого не говорю! Конкурс — отличный способ на людей посмотреть и себя показать. Судите сами: в конкурсе басов участвовали 32 певца из разных городов России. Возраст не ограничен. Сам Филиппыч — Александр Филиппович Ведерников — вышел на сцену как рядовой конкурсант. Взял — и приколос! Победить такую компанию начинающему певцу, — а я тогда лишь год, как закончил консерваторию — было очень трудно и ужасно приятно.

— **Это ваша самая большая победа?**

— Мне уже везло дважды: еще студентом третьего курса консерватории я получил первую премию и золотую медаль на конкурсе в Барселоне, а в 1992 году — третью премию на «Вердиевских голосах» в Бурсетто в Италии. Но наш первый конкурс басов лично для меня значит больше, чем международные. Очень хочется, чтобы тебя как певца знали на родине.

— **А сколько артистов мечтают начать свою карьеру за рубежом?**

— Вот это неумное желание «показаться» за границей позволяет западным импресарио нещадно эксплуатировать российских арти-

стов, покупать их по цене рабочего сцени. И многие соглашаются, потому что это все-таки возможность показать себя в Европе, чему-то научиться, завоевать какие-то позиции.

— **Вы это проверили на собственном опыте?**

— К счастью, мне повезло с импресарио. Это швейцарец Мишель Питте, в Лозанне у него агентство «Амати». Под его опекой трое очень хороших пианистов.

— **Вы его нашли или он вас?**

— Я был студентом Московской консерватории, и атташе по культуре швейцарского посольства Серж Леба пригласил меня в Лозанну на благотворительный концерт. Там я и познакомился с Мишелем Питте. Он помог мне заключить достаточно выгодные контракты в Реймсе, Марселе и Люцерне, где я пою главные партии, и в Льежском королевском театре — на исполнение вторых партий. Вместе с Мишелем мы объехали Швейцарию и Францию, я прослушивался...

— **А что, нельзя было проделать тот же путь сначала в России: показаться, прослушаться?..**

— Отчего же, можно. Скажем, пойти в Большой театр на конкурс прослушивание. Все очень просто: пиши заявление, участвуй в конкурсе. Понравился — возьмут.

— **Так в чем же дело?**

— О, тут много соображений... Понимаете, наши театры привязывают артиста почти как крепостного. Я понимаю, что репетиции — это святое. Но ведь из любой ситуации можно найти цивилизованный выход. А тут — чуть что — нажим. Кроме того, артист за свой труд в России практически ничего не получает. Певцы и танцовщики Большого — гордость нашего искусства — годами живут семьями в общежитии. Боря Бежко на конкурсе басов по-

и... запел. Отец услышал — удивился. Оказалось, у меня есть кое-какой голос!

— **Что, вот так вдруг и прорезался?**

— Да нет, конечно! Наверное, не вдруг и неспроста: у меня дед прекрасно пел тенором, у отца — замечательный баритон, он и на баяне великолепно играет. Только на мои вокальные данные никто никогда не обращал внимания. Когда мне исполнилось семь лет, мама отвела меня в Дом пионеров в танцевальный кружок, а потом в известный в Оренбуржье народный ансамбль «Молодость», в котором когда-то сама танцевала. Но после того концерта я «заболел» пением. Обожаю Бориса Штоколова. В профессионалы, правда, не метил. После десятилетки навострил лыжи в Ленинградский химико-технологический институт.

— **Поступил?**

— Не-а. Полбалла недобрал. И, видимо, слава Богу, потому что, если б поступил, может, пение бросил бы. А так... Через год решил рискнуть, поехал на прослушивание в училище при Московской консерватории. Спел романс «Гори, гори, моя звезда...».

— **И что, триумф?**

— Ничего подобного! После моего выступления один из экзаменаторов, как оказалось замечательный педагог и знаток вокала Гуго Ионатанович Титц, ехидненько поинтересовался: «Вы только Штоколова слушаете?». Я растерялся, засомневался и удрал домой. А потом на одном смотре художественной самодеятельности меня заметили ребята из армейского ансамбля ракетных войск. Отпел я у них четыре года: два — солдатом срочной службы и два — вольнонаемным. Мы довольно много выступали, а еще больше поддавали. Однажды после очередного возлияния я пере-

— **Классика труднее сочетания трех нот: до нее расти надо. Но как раз это и не нужно «пастухам» российского «стада». Меньше работой головой, больше — ногами. Таким стадом легче манипулировать. И с него легче стричь купоны. Кто платит — тот заказывает музыку. Раньше компартия поддерживала высокое искусство из соображений престижа: чтоб показать, что и мы культурные и много чего можем. Теперь в этом нужда отпала: бал правят деньги.**

— **Но ведь считается, что в данном случае как раз учитывают потребности и заказ публики.**

— Может, наиболее многочисленной, но далеко не всей. Артисту-«классику» нужна такая же «раскрутка», как и эстрадному. Информация же и реклама поставлены из рук вон плохо. Есть настоящие энтузиасты, но их мало. Замечательные вещи делает Элеонора Беляева — телезвезда, которая много лет вела на телевидении «Музыкальный киоск». Сейчас она ведет концерты, в которых часто принимают участие и молодые, никому не известные певцы-«классики».

— **Чего вы хотите достичь в жизни?**

— Чтoб без опаски приглашали в любой театр: от Владикавказа до Метрополитен-опера.

— **И на какие партии?**

— Самая заветная мечта — спеть Мефистофеля, Бориса Годунова, Варлаама. И в «Кольце нибелунга» Вагнера, и в «Реквиеме» Верди... Да чего там — хочется спеть все, что написано для баса.